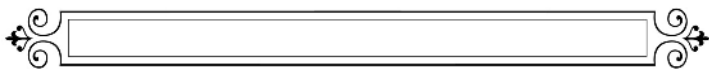

*Сибил Барнетт,
которая не меньше меня любит
путешествовать по всему свету*

Часть 1
АНГЛИЯ

ГЛАВА I

Линит Риджуэй!
— Это она! — сказал мистер Барнэби, хозяин «Трех корон». И толкнул локтем соседа. Приоткрыв рты, оба выкатили буколические глаза. Перед почтовым отделением стал большой ярко-красный «Роллс-Ройс». Из него выпрыгнула девица — без шляпки и в простеньком (*обманчиво* простеньком) платьице; златовласая девица с властным лицом, с прелестной фигурой — словом, редкая птица тут, в Молтон-андер-Вуде.

Она быстрым, уверенным шагом прошла в здание почты.

— Она, — повторил мистер Барнэби и, понизив голос, трепетно продолжал: — У нее миллионы... Собирается потратить тысячи на усадьбу. Бассейны устроить, итальянские сады с бальным залом, полдома порушить и перестроить...

— Потекут в город денежки, — сказал его худой, болезненного вида приятель. Сказал завистливым, вредным тоном.

Мистер Барнэби согласился:

— Подфартило Молтон-андер-Вуду. Подфартило. — Мистер Барнэби ликовал. — От спячки наконец пробудимся, — добавил он.

— Не то что при сэре Джордже, — сказал второй.
— Да, тому, кроме лошадей, ничего не надо было, — снисходительно сказал мистер Барнэби. — Вот и дошел до ручки.

— Сколько он получил за усадьбу?

— Шестьдесят тысяч, я слышал, так-то.

Худой присвистнул.

— И говорят, еще шестьдесят, — продолжал радоваться мистер Барнэби, — она потратит на обустройство.

— Черт-те что, — сказал худой. — Откуда у нее эти деньжищи?

— Из Америки, я слышал. Мать была единственной дочкой у тамошнего миллионера. Прямо кино, правда?

Девица вышла из почты и села в автомобиль. Худой проводил взглядом отъехавшую машину.

— Неправильно это, — пробормотал он себе под нос, — чтобы она еще так выглядела. Это слишком — иметь деньги и такую внешность. Если девушке привалило богатство, то какое же она имеет право быть еще и красоткой? А она — красотка... Все при ней. Нечестно...

ГЛАВА 2

Отрывок из светской хроники во «Всякой всячине»: «Среди ужинавших в ресторане «У тетушки» мое внимание привлекла красавица Линит Риджуэй. С ней были почтенная Джоанна Саутвуд, лорд Уиндлизем и мистер Тоби Брайс. Общеизвестно, что мисс Риджуэй является единственной дочерью

Мелиша Риджуэя, мужа Анны Хатс. От своего деда, Леопольда Хатса, она наследует огромное состояние. Сейчас прелестная Линит в центре внимания, и поговаривают, что в скором времени может быть объявлено о помолвке. Разумеется, лорд Уиндлизем казался весьма *épris!*¹»

ГЛАВА 3

Достопочтенная Джоанна Саутвуд сказала:

— Дорогая, по-моему, все получится совершенно изумительно.

Она сидела в спальне Линит Риджуэй в Вуд-Холле. За окнами взгляд, миновав парк, уходил в поля с сизой каймой леса.

— Прелестно тут, правда? — сказала Линит.

Она стояла, опершись руками о подоконник. Лицо горело энергией, нетерпением. Рядом с ней высокая и тонкая двадцатисемилетняя Джоанна Саутвуд с продолговатым умным лицом и капризно выщипанными бровями смотрелась тускловатой.

— Сколько же ты успела сделать! У тебя было много архитекторов или кого там еще?

— Трое.

— А какие они — архитекторы? Никогда с ними не сталкивалась.

— Славные люди. Иногда, правда, довольно непрактичные.

— Ну, это ты быстро поправишь. Ты очень практичный человек, дорогая. — Джоанна взяла с туалет-

¹ Влюбленным (*фр.*).

ного столика нитку жемчуга. — Это ведь настоящий жемчуг, да?

— Конечно.

— Для тебя — «конечно», моя радость, но большинство людей сочтут его либо старательной подделкой, либо даже дешевкой из «Вулвортс»¹. Совершенно *неправдоподобный* жемчуг, дорогая, изумительно подобран. Эта нитка должна стоить сказочно дорого.

— Ты находишь, она вульгарна?

— Отнюдь нет! В чистом виде красота. Сколько же это стоит?

— Около пятидесяти тысяч.

— Кругленькая сумма! Ты не боишься, что твой жемчуг украдут?

— Нет, я его всегда ношу, а кроме того, он застрахован.

— Слушай, дай поносить до обеда. Дай порадоваться жизни.

Линит рассмеялась:

— Носи, если хочешь.

— Как я тебе завидую, Линит! Тебе только птичьего молока не хватает. В двадцать лет ты сама себе хозяйка, денег не считаешь, красавица, на здоровье не жалуешься. И вдобавок *умница!* Когда тебе будет двадцать один?

— В июне. Я устрою в Лондоне грандиозный прием в честь совершеннолетия.

¹ «Вулвортс» — универмаги американской компании «Ф.У. Вулвортс», имеющей филиалы в Англии.

— Кстати, ты выходишь за Чарлза Уиндлизема? Пресловутая светская хроника спит и видит поженить вас. А как жутко он тебе предан!

Линит пожала плечами:

— Не знаю. Мне пока совсем не хочется замуж.

— И правильно, дорогая! От добра добра не ищут.

Пронзительно зазвонил телефон, Линит подошла.

— Да? Да?

Ответил голос дворецкого:

— Звонит мисс де Бельфор. Вас соединить с ней?

— Бельфор? Да, конечно, соединяйте.

В трубке щелкнуло, и напористо, сбиваясь с дыхания, заговорил мягкий голос:

— Алло, это мисс Риджуэй? Линит!

— Джеки, дорогая! Я не слышала тебя целую вечность!

— Я знаю. Ужас! Мне страшно нужно увидеть тебя, Линит.

— А что бы тебе не приехать сюда? У меня новая игрушка. Очень хочется показать тебе.

— Я как раз хочу приехать.

— Так садись скорее на поезд или в машину.

— Я так и сделаю. У меня двухместная развалина.

Я купила ее за пятнадцать фунтов, и время от времени она прилично бегают. А иногда дурит. Если я не приеду к чаю, значит, она задурила. Пока, моя радость.

Линит положила трубку и вернулась к Джоанне.

— Это моя старинная подружка — Жаклин де Бельфор. Мы обе были воспитанницами в одном парижском монастыре. Ей жутко не повезло. Ее отец

был французским графом, а мать — американкой из южных штатов. Отец ушел к другой женщине, мать потеряла все деньги в уолл-стритском¹ крахе. Джеки осталась буквально ни с чем. Не представляю, как она прожила эти два года.

Джоанна полировала кроваво-красные ногти подушечкой из набора своей подруги. Клоня набок откинутую голову, она придирчиво разглядывала достигнутый результат.

— Дорогая, — протянула она, — а это не будет тебе в тягость? Если у моих друзей случаются неприятности, я *сразу* порываю с ними. Пусть это звучит жестоко, зато потом никаких забот. Они все время норовят занять денег либо определяются в белошвейки, а ты носи их жуткие платя. Или еще: расписывают абажуры, тачают батиковые кашне.

— Потеряй я все свои деньги, ты завтра же порвешь со мной?

— Всенепременно, дорогая. И ты не назовешь меня лицемеркой. Я люблю только везучих людей. Ты еще убедишься, что я совсем не исключение, — просто-напросто большинство боится в этом признаться. Они скажут, что стало невозможно переносить Мэри, Эмили или Памелу: невзгоды совсем ожесточили бедняжку, она теперь такая странная!

— Какая же ты противная, Джоанна!

— Просто я устраиваюсь в жизни — как все.

— Я, например, не устраиваюсь.

¹ У о л л - с т р и т — улица в Нью-Йорке, на которой расположены здания фондовой биржи и многих банков; символ финансовой олигархии США.

— Понятное дело! Тебе ли жаться, если каждый квартал симпатичные, средних лет американские опекуны выплачивают тебе роскошное содержание.

— А насчет Жаклин ты ошибаешься, — сказала Линит. — Она не попрошайка. Я хотела ей помочь — так она не дала. В ней гордости до черта.

— А что это она так спешит повидаться? Держу пари, ей что-нибудь нужно от тебя. Сама увидишь.

— Она в самом деле чем-то возбуждена, — признала Линит. — Джеки всегда страшно горячо все воспринимала. Однажды она пырнула одного перочинным ножом.

— Боже, какой страх!

— Мальчишка мучил собаку. Джеки пыталась остановить его. Тот не слушался. Она цеплялась за него, тормозила, но он был сильнее, и тогда она выхватила ножик и вонзила в него. Был кошмарный скандал.

— Я думаю! Дико представить себе такое.

В комнату вошла горничная Линит. Пробормотав извинения, она взяла из шкафа платье и вышла.

— Что случилось с Мари? — спросила Джоанна. — У нее глаза на мокром месте.

— Жалко ее. Ты помнишь, я говорила, она собирается замуж за человека, который работает в Египте? Она мало знала о нем, и я подумала: надо проверить, какой он человек. Выяснилось, что у него уже есть жена и трое детей в придачу.

— Сколько же врагов ты наживаешь себе, Линит!

— Врагов? — Линит удивилась.

Джоанна кивнула и взяла сигарету.